

О.В. Хоцкина

Новосибирский государственный университет

**Именование в аспекте теории имени собственного Ж. Дерриды
(на материале эпоса «Беовульф»)**

Аннотация: В данной работе описывается семиотическая реконструкция перехода имени собственного от его представления в качестве определенного элемента истории и повествования до его перехода в класс имен нарицательных классифицирующих культуру и социум. Основным материалом послужили имена, представленные в эпосе «Беовульф», с их трансформациями и осмыслением по средствам труда Ж. Дерриды «Вокруг Вавилонских башен».

In the current work the semiotic reconstruction of the personal name transition is being described. The personal name is initially presented as a defining historical and narration element and then we have demonstrated some examples of its transition into the group of common names that characterize culture and society. Personal names from the epic novel «Beowulf» served as the base material for the study in the framework of their transformation and understanding through the work «Around the Babylon Tower» by J. Derrida.

Ключевые слова: имена собственные, имена нарицательные, индексальность, «язык истины».

Personal names, common names, indexality, «truth language».

УДК: 811.

Контактная информация: Новосибирск, Пирогова, 2. НГУ, факультет иностранных языков. Тел. (383) 3394023. E-mail: m04kho01@gmail.com.

В рамках работы с именованным материалом древнеанглийских письменных источников представляется важным подобрать и сопоставить состав имен из древнеанглийского эпоса с концепцией становления и преобразования имени собственного в работе Жака Дерриды «Вокруг Вавилонских башен». Книга Ж. Дерриды рассматривает вопросы оригинала и перевода при работе с текстом, а также определение задач переводчика, составителя или летописца нового текста. Автор обращается к различным аспектам оригинала, приводя разбор, и формат работы с именем собственным. Заголовком становится имя собственное Вавилонская башня, которая представляет собой нечто всем известное как культурный и исторический феномен, а также нечто противоречивое и множественное. Основываясь на этой книге, в нашей работе мы постараемся проследить изменения имени собственного и рассмотрим следующие изменения: определение имени собственного через контекст, переход имени собственного в имя нарицательное, семантизация и множественность имени, и его обособление с сужением его многозначности.

Само имя Беовульф является одним из примеров прохождения через этапы становления и обретения нового смысла и культурной окраски. В начале повествования автор не представляет читателю главного героя, этим он обращает внимание на важность первого упоминания имени центрального героя. Рассматриваемое имя обладает индексальностью, соотносимой со всем текстом [Лукин,

1999, с. 30–31]. В основе работы Ж. Деррида лежит описание такой формы выделения имени собственного. Уже само обращение к именам собственным связано с их индексальностью, что может быть подкреплено приводимым Дерридой описанием, он указывает на то, что имя собственное – это «отсылка некоего чистого означающего к своеобразному существу – непереводимому» [Деррида, 2002, с. 11].

Имя собственное по своей природе уподобляется именам нарицательным «относящимся к общему характеру смысла» [Там же], и обладает такими же характеристиками.

Beowulf maþelode, bearn Ecgþeowes¹, строка 530 «Беовульф ответил, сын Эгтеова».

По мере изменения статуса самого героя и его имя тоже обособляется, приобретая необходимую символичность и соотнесение с другими элементами эпоса. В конце своего пути Беовульф преодолел этап определения себя через свои родственные связи, что приводит к изменению статуса имени и к его обособлению. Имя Беовульф в рамках эпического произведения характеризуется уточнением своего значения, словно определенным артиклем, а именно родовыми отношениями в начале эпоса, и оно становится именем нарицательным в конце повествования. В то время как в художественной литературе имя собственное вводится как бы с неопределенным артиклем, а потом приобретает определенность через повествование. Следовательно, перед нами характерный пример перехода имени из его статуса имени собственного, с атрибутивностью, в иную группу имен нарицательных вне текста с его определением в культуре посредством данного эпоса.

Beowulf maþelode, beotwordum spræc niehstan siðe: строки 2509–2510: «Беовульф молвил, слова угрозы и поклонился».

þæt hit sæliðend syððan hatan Biowulfes biorh, строки 2804–2806: «Чтобы морские путешественники окликали место курганом Беовульфа».

Если имя собственное является тем, что связывает с сущим, но запрещенным между двумя собственными именами, то его передача или/и перевод становятся невозможными в таких рамках [Там же, с. 17]. Это становится очевидным при упоминании Эксхере (воин, которого убила мать Гренделя, мстившая за смерть сына). Имя Эксхере в эпосе пересматривает свою атрибутивность и после обозначения человека определяет иное, то что находится между двумя мирами. Поэтому переход от сущего в просто обозначаемое, в силу важности связанных с данным указанием событий, проявляется через функциональное изменение имени собственного. И это также показывает на то, что имя выходит за рамки эпоса.

Dead is æschere, Yrmenlafes yldra broþor, строки 1323–1324: «Мертв эскхере², Ирменлафа старший брат».

Кроме того, имя собственное приобретает свойство множественности (смещения, Деррида) и появляется его семантический эквивалент, которого нет у чистого имени собственного [Там же, с. 20]. Например, имена женщин упоминаются в «Беовульфе» крайне редко и их многозначность максимально связана с выполняемой ими деятельностью. При временных и пространственных изменениях множественность приобретает те грани, которые максимально присущи данной культуре и времени [см. также: Mitterauer, 1993; Redmonds, 2004] Анализируя контексты, в которых фигурируют женские имена, можно говорить о том, что женщина может быть, в первую очередь, определена своей стопроцентной атрибутивностью с мужем, где она украшение пиров, пара для уединения, помощница и поддержка мужа.

Eode Wealhþeow forð, cwen Hroðgares, cynna gemyndig, строки 614–616: «Вышла Вальхтеов³ вперед, королева Хродгара, обходительно заботливая».

¹ См. 630–632, 1383 и т.д.

² Другие примеры: строки 1328–1329, 1417–1421, и 2122–2123.

³ Также строки 630–632, 663–666, 1162–1163, 1214–1216, и 2172–2173.

Помимо Вальхтеов в «Беовульфе» упоминается еще только одно женское имя Хюгд. Хюгд – дочь Хереда и жена Хигелака, конунга гаутского, к чьему двору вернулся Беовульф после своего похода к Хродгару. Пока еще она мало зим провела при своем муже и потому, ее связь с отчим домом очень важна, что в повествовании и отмечается. Хюгд характеризуется с человеческой точки зрения, и читатель четко понимает, какими человеческими качествами она обладает. Сам Беовульф обращает внимание на то, что Хюгд совсем не похожа на всем известную Трюд, жену Оффа, которая славилась своим жестоким и злобным характером до замужества.

Bold wæs betlic, bregorof cyning, heah in healle, Hygd swiðe geong, wis, welþun-gen, þeah ðe wintra lyt under burhlocan gebiden hæbbe, Hæreþes dohtor; строки 1925–1929: «Был дом тот важен, и владыка, восседающий в зале, могуч, а Хюгд¹, очень юна, и разумна, и ласкова, хоть и мало лет провела она в этом доме, Хереда дочь».

В тексте также присутствуют отрывки, в которых даже нет необходимости указывать имя властительницы и жены конунга, Вальхтеов, так как это имя узнаваемо народом, и без уточнения понятно, кто выполнял такие обязанности во время пира:

Ymbeode þa ides Helminga duguþe ond geogoþe dæl æghwylcne, sincfato sealde, строки 622–623: «затем в зал вышла жена Хильдинга, полной чашей потчужя и старых и младых воинов».

Теперь обратимся к общему эффекту от передачи имени собственного, с его вынесением за рамки языка как такового [см. также: Woolf, 1939; Gardiner, 1954] В «Беовульфе» в таких общих рамках можно говорить об имени собственном Хродгар, особенно в начале эпоса, когда все многозначные элементы носителя данного имени, как и само имя, обособляются и занимают центральное положение в повествовании, обозначая Хродгара как руководителя и праводержца народа.

þa wæs Hrodgare heresped gyfen, строка 64: «И был Хродгар² удачлив в боях».

Мы обобщаем данную эволюцию имени собственного с изменением его характеристик и выводим алгоритм, с помощью которого имя встраивается в ткань «Бытия». Лишь при общем восприятии имен собственных через язык «Бытия», «смешивающий перевод имени собственного в его нарицательный эквивалент, не имеет потребности в другом слове» [Деррида, 2002, с. 22], возникает система: имя собственное – перевод – имя нарицательное. Во всем этом можно наблюдать те закономерности, которые теперь представляют собой определенность текста оригинала и перевода, с его элементами в качестве имен собственных, а именно то, что «универсальность ограничена, прозрачность запретна, однозначность невозможна» [Там же, с. 24–25]. Есть значащее в имени собственном, которое может быть передано из текста в текст, из варианта в вариант, и оно «срастается только с тем, что не дается без ущерба переносу в другой язык или чужую речь – уникальным событием перформативной силы» [Там же, с. 29–30]. Имя собственное в контексте истории языка демонстрирует ее как «взрастание, святое взрастание языков» [Там же, с. 40], и, если контекст приводит к тому, что связь имени собственного с объектом, который оно обозначает, теряется, а на первый план выходит пережиток текста в переводе, то имя собственное и его подпись должны быть различимы и нестираемы. Данный тезис еще раз указывает на тот факт, что имя собственное есть и не есть нечто переводо-подлежащее. Оно обладает своими привилегиями, которые подразумевают его ставку и договор об условиях перевода. И посредством внесения в перевод таких единиц, как имена собственные, переводчик и его новые творения «подвергают язык символическому расширению»

¹ Другое упоминание Хюгд см. в строках 2366–2371.

² См. строки 360–361 и 368.

[Деррида, 2002, с. 52], появляется соотношение символизирующего (оригинал) и символизируемого (перевод / передача) [см. также: Danesi, 2007].

Все данные этапы изменения окраски имени собственного ведут к выявлению языка истины, приобретаемым текстом через перевод / передачу, которая является предпосылкой к «примирению языков царства» [Там же, с. 69]. Обращения в таком контексте к священным текстам указывают на их уникальность и их прямое соотношение с «языком истины». «Закон, наложенный именем Бога, который предписывает и запрещает перевод, показывая и утаивая от вас его пределы» [Там же, с. 75], подводит читателя к первоначально выбранным Вавилону и «Бытию», которые подпадают под этот закон и производят его, являясь элементами священного (абсолютного) текста. Следовательно, очень интересным представляется обращение ко всему истинному, посредством того, что доступно и важно для культуры и социума. Беовульф, являя собой двусоставной архетип с доминирующим концептуальным содержанием на лексическом уровне и в уникальных, возможно, территориальных концептах [Проскурин, 2005, с. 97–98], представляет собой воплощение «языка истины».

Литература

- Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб., 2002.
Лукин В.А. Художественный текст. М., 1999.
Проскурин С.Г. Семиотика индоевропейской культуры. Новосибирск, 2005.
Danesi M. The Quest for Meaning. Toronto, 2007.
Gardiner A. The Theory of Proper Names. Oxford, 1954.
Mitterauer M. Ahnen und Heilige. Namengebung in der Europäischen Geschichte. Munich, 1993.
Redmonds G. Christian Names in Local and Family History. Toronto, 2004.
Woolf H.B. The Old Germanic Principles of Name-Giving. Balimore, 1939.